

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ ЮЖНЫХ СЛАВЯН В VI—XV вв. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1950—1957 гг.

В кратком обзоре мы не можем останавливаться на таких обобщающих работах советских историков, как «История южных и западных славян», изданная Московским университетом¹, как «История Болгарии», подготовленная Институтом славяноведения АН СССР², как очерк истории южных славян в третьем томе «Всемирной истории»³, хотя они и опубликованы в период с 1950 по 1957 г. Каждая из них, давая свою концепцию исторического развития южнославянских народов в средние века, заслуживает специальной развернутой рецензии⁴. Но, кроме общих трудов, советские историки опубликовали в это же время ряд статей и написали несколько диссертаций, посвященных отдельным вопросам или периодам истории южных славян. Их мы и рассмотрим.

Несколько работ затрагивают вопросы, связанные с причинами, характером и общеисторическими последствиями заселения славянами Балканского полуострова в VI—VII вв.

В наиболее общей форме эти вопросы освещаются в изданной отдельной брошюрой лекции Л. С. Чиколини, прочитанной в Киевском государственном университете по курсу истории южных и западных славян⁵. Основываясь на общепринятой в советской историографии точке зрения, автор подчеркивает, что причины движения славян на юг надо искать прежде всего в социально-экономическом развитии самих славянских племен V—VI вв. В соответствии с этим в лекции довольно подробно характеризуется процесс разложения у славян первобытно-общинного строя. Автор останавливается и на тех изменениях в общественных отношениях, которые произошли у славян под влиянием переселения на Балканы. Привлекая данные «Земледельческого закона», автор считает, что у славян «к VIII в. сложилась собственность не только на движимое имущество, но и на недвижимое, дома, амбары и, самое главное, на землю — основное средство производства».

¹ История южных и западных славян. Учебное пособие для государственных университетов. М., 1957. Ср. также: «Очерки истории южных и западных славян». Пособие для учителей, под ред. С. М. Стецкевича. М., 1957.

² «История Болгарии», т. I. М., 1954.

³ «Всемирная история», т. III. М., 1957.

⁴ Рецензия А. А. Поповой и Э. В. Удальцовой на первые шесть глав I тома «Истории Болгарии», посвященных периоду до турецкого завоевания, напечатана в ВВ, т. XI, 1956.

⁵ Л. С. Чиколини. Общественно-экономический строй славян и движение их на Балканский полуостров в VI—VII вв. Киев, 1953.

В лекции сделана попытка ответить на вопрос о том, почему южные славяне в своем развитии миновали рабовладельческую формацию. Однако, формулируя причины этого явления, автор не выводит их из подробного анализа внутреннего развития южных славян, в силу чего высказанные положения остаются недоказанными.

Значительно более оригинальной, но и достаточно спорной, является статья М. Ю. Брайчевского⁶, в которой он пытается по-новому объяснить противоречия в сведениях об общественных отношениях и быте антов, сообщаемых в «Стратегиконе» Псевдомиаврикия, а также в известиях, которые мы находим по этим вопросам у других византийских писателей (Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра Протиктора, Феофилакты Симокатты, Иоанна Эфесского и др.). Археолог по специальности, М. Ю. Брайчевский стремится опереться при рассмотрении этого вопроса на данные археологии. Он полагает, что анты Псевдомиаврикия не тождественны антам других византийских авторов. По его мнению, антам Прокопия, Менандра, Феофилакты и др. принадлежат поля погребения черняховского типа, антам же псевдо-Маврикия соответствует более архаическая культура городищ роменского типа. Учитывая, что в нижнем Подунавье обитало во второй половине VII в. племя северян, в культуре которых обнаруживаются черты, родственные восточнославянской культуре, причем как раз роменского типа, Брайчевский и считает, что именно северяне, осевшие в нижнем Подунавье и составившие вместе с семью другими племенами основу древнего болгарского царства, подразумеваются в «Стратегиконе» под антами. Близость же северян к восточнославянским племенам, именуемым византийцами антами, и дало основание автору «Стратегикона» называть так и их. К сожалению, статья «Об „антах“ псевдо-Маврикия» вызвала только один отклик — со стороны В. В. Мавродина, который хотя и отметил ряд сомнительных, на его взгляд, положений в статье Брайчевского, согласился с основными выводами автора⁷. Но статья В. В. Мавродина написана еще до последних археологических дискуссий и их результаты, естественно, в ней не учтены. Поэтому вопрос об «антах Псевдомиаврикия» окончательно решенным считать еще нельзя.

Вторжения славян во владения Византийской империи рассматриваются и в статьях А. П. Каждана. Но его интересуют главным образом ход и размах этих вторжений и особенно вопрос о том воздействии, которое оказали славяне на социально-экономическое развитие Византии. Именно в плане разработки этого последнего вопроса и интересна статья А. П. Каждана «Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии»⁸. Автор подчеркивает, что только советские ученые, руководствующиеся марксистско-ленинской методологией, могут дать подлинно научное решение этой сложной и запутанной в буржуазной историографии проблемы. Автор убедительно показывает, что славяне нанесли сокрушительный удар по рабовладельческим отношениям в Византии и расчистили путь для развития отношений феодальных.

В этой же статье А. П. Каждан останавливается и на размахе славянских вторжений в империю и критикует резко тенденциозное освещение этого вопроса современными буржуазными учеными, в частности, греческими националистами. Как известно, некоторые из них (например, К. Амандос), вопреки прямым свидетельствам византийских источников, отрицают факт проникновения славян в VI—VII вв. в южную часть Балканского полуострова, утверждая, что оно имело место лишь в VIII в., да

⁶ М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдомиаврикия. СЭ, 1953, № 2.

⁷ В. В. Мавродин. К вопросу об «антах» Псевдомиаврикия. СЭ, 1954, № 2.

⁸ См. «Преподавание истории в школе», 1953, № 2.

и то без сколько-нибудь значительных последствий⁹. В статье показано, что не только византийские историки — современники событий, но и археологический материал неспори́мо доказывают проникновение славян на территорию Греции уже в VI—VII вв. Не менее показательны в этом отношении свидетельства западных писателей VII—VIII вв., рассматривающих Грецию как страну, принадлежащую славянам. Данные топонимики, собранные немецким филологом Фасмером, подтверждают широкое распространение славянских поселений.

Взаимоотношения южных славян и Византии являются темой статьи и Б. Т. Горянова¹⁰, рассматривающего историю этих взаимоотношений с V—VI вв. и до падения Византии и южнославянских государств под ударами турок. Наиболее интересной частью статьи является та, которая посвящена вопросу о славяно-византийских культурных связях. Автор приходит к выводу, что славянская культура, испытывая на себе влияние Византии, в то же время сохранила самобытную основу; имело место и обратное культурное влияние славян на Византию, в частности, в Византию проникала богомильская литература.

Ряд работ посвящен средневековой истории Болгарии.

Статья С. А. Никитина «Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства»¹¹ является первым вариантом текста соответствующих разделов первого тома «Истории Болгарии», подготовлявшейся тогда к изданию¹². Статья состоит из трех частей. В первой дан общий очерк продвижения славян на Балканский полуостров в V—VI вв. Во второй части характеризуется развитие социально-экономических отношений у славянских племен, заселивших его северо-восточную часть, и возникновение у них первых политических объединений.

Автор не согласен с мнением Е. Э. Липшиц, полагающей, что в VII—VIII вв. на славянских землях Балканского полуострова господствовала подсе́чная система земледелия. Касаясь вопроса об общественном строе славян в изучаемый период и характеризуя его как развивающийся феодализм, С. А. Никитин высказывает положение о наличии у славян в VIII в. частной собственности.

Третья часть статьи посвящена вопросу о протоболгарах. По мнению С. А. Никитина, можно с уверенностью утверждать, что протоболгары были тюркоязычным народом. Большое внимание в статье уделено разоблачению реакционных теорий о будто бы благотворном влиянии протоболгар на историческое развитие славян. С. А. Никитин считает, что господство протоболгар было временным явлением, что они постепенно растворились в славянской среде, предпосылкой чему была более высокая ступень социально-экономического развития славян.

Если мнение об исторической роли протоболгар, высказанное в конце статьи С. А. Никитина, является общепринятым в советской историографии, то по вопросу о происхождении этого народа имеются еще (и не только за рубежом, но и у нас) и другие точки зрения. Примером может служить статья А. Карасика, посвященная анализу чрезвычайно важного источника, так называемого именика болгарских ханов¹³. Как известно,

⁹ Концепции современных буржуазных историков по вопросу о переселении славян в Грецию подробно рассматриваются в специально посвященной этому вопросу статье А. П. Каждана (Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. КСИС, № 11, 1953).

¹⁰ Б. Т. Горянов. Южные славяне и Византия. «Преподавание истории в школе». 1950, № 4.

¹¹ См. «Вестник МГУ», выпуск 1, 1952.

¹² «История Болгарии», т. I. М., 1954.

¹³ А. Карасик. Древняя Болгарская летопись. ВИ, 1950, № 5.

в этом памятнике содержится перечень протоболгарских ханов. Памятник написан на двух языках, один из которых славянский. Выясняя, к какой языковой группе принадлежал другой — неславянский язык, различные ученые пытались решить вопрос о происхождении протоболгар.

Автор статьи отрицает наиболее распространенную в советской научной литературе, а также высказанную рядом представителей русской и зарубежной буржуазной историографии точку зрения на протоболгар как на тюркское племя. Он примыкает к неоднократно высказывавшемуся и раньше, например, А. Ф. Гильфердингом, взгляду о венгерском происхождении протоболгар. Следует, однако, признать, что каких-либо новых и достаточно убедительных аргументов в пользу этой гипотезы автору статьи привести не удалось¹⁴.

Из работ, относящихся к последующим периодам истории Болгарии, в первую очередь следует указать на кандидатскую диссертацию В. Ф. Храпченкова «Богомильское движение в Болгарии X—XIV вв. и его классовая сущность»¹⁵. Это первое на русском языке марксистское исследование богомильского движения. Вслед за историографическим введением автор довольно подробно рисует ту социально-экономическую и политическую обстановку, которая была в Болгарии в IX—X вв. и в условиях которой возникло богомильство.

В. Ф. Храпченков считает, что «по своему происхождению болгарское богомильство было местным, оригинальным идеологическим течением, отражавшим настроение и мечты прежде всего закрепощенной массы болгарского крестьянства» (стр. 6). Наибольший размах богомильского движения автор относит к X в., а его кризис — ко времени после Тырновского собора 1211 г. Автор останавливается на известной противоречивости в учении богомилов, содержавшем не только революционные, но и консервативные положения.

Нельзя, однако, не отметить, что не все важные вопросы, связанные с изучением богомильского движения, получили в диссертации достаточно убедительное разрешение. Так, нам кажется, что несколько односторонне рассматривается автором вопрос о соотношении богомильства с такими движениями, как манихейство и павликианство. Как показали работы современных болгарских ученых (Д. Ангелова, Б. Примова и др.), нельзя почти полностью сводить на нет, как это получается у Храпченкова, их влияние на еретическое движение в Болгарии. В очень декларативной форме, без необходимых ссылок на источники излагаются в работе и причины вырождения богомильства в период после Тырновского собора.

Ряд статей, касающихся русско-болгарских отношений во время балканских войн Святослава и некоторых источниковедческих вопросов, связанных с проблемой этих отношений, опубликовал в 1951—1955 гг. П. О. Карышковский¹⁶. Мы не будем здесь рассматривать те разделы

¹⁴ В статье есть и прямые неточности. Так, говоря о том, что некоторые исследователи считают, будто два неславянских слова, стоящих в тексте памятника после имени каждого хана, являются числительными, А. Карасик безосновательно причисляет к этим исследователям Маркварта и Микколу. Но первый рассматривает эти слова как «эпитеты и девизы» (см. I. Marguare. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, S. 98), а второй — только второе слово считает числительным, а первое — существительным, названием цикла месяцев (См. И. Миккола. Тюркско-болгарское летоисчисление. «Известия отделения русского языка и словесности императорской АН», т. 18, кн. 1, 1913, стр. 243). Непонятно также, почему крещение Болгарии при Борисе автор, вопреки общепринятой в современной историографии датировке (864 или 865 г.), относит к 859 г.

¹⁵ Автореферат издан Московским областным педагогическим институтом в 1954 г.

¹⁶ П. О. Карышковский. Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава. ВИ, 1951, № 8; его же. К истории Балканских войн Святослава,

этих статей, которые непосредственно относятся только к истории древней Руси (например, общая оценка Святослава, внутренние причины его походов) и русско-византийским отношениям (например, оценка договора 971 г.). В плане нашего обзора следует отметить, что для истории Болгарии существенной представляется мысль П. О. Карышковского о том, что на определенном этапе балканских войн Святослава сложился русско-болгарский союз. Этот союз, по мнению автора, возник в результате второго похода Руси, датируемого июлем—августом 969 г., и просуществовал до взятия Преславы греками. Вывод о наличии болгаро-русского союза автор, в частности, делает на основе свидетельства Льва Диакона, говорившего о болгарях, как о добровольно присоединившихся к Святославу. Это положение П. О. Карышковского безусловно заслуживает внимания, а тема, затронутая им, — дальнейшого изучения.

Кандидатская диссертация Г. Г. Литаврина освещает борьбу болгарского народа в период византийского владычества¹⁷. После подробного обзора источников автор переходит к анализу социально-экономического развития Болгарии в период византийского владычества. Он показывает, как отрицательно сказалось византийское владычество на социально-экономическом развитии Болгарии. Оформление феодального иммунитета датируется XI—XII вв. В XII в., по мнению автора, значительное развитие получает система вассалитета. Этот же период (XI—XII вв.) характеризуется ожесточенной борьбой внутри класса феодалов за перераспределение земельных фондов, за крестьян. Уже в XI в., как полагает автор, крестьянство находилось в личной зависимости, степень которой была различной для различных категорий. В XII же веке личная зависимость в ряде случаев граничила с крепостничеством. С особой подробностью Г. Г. Литаврин исследует положение крестьян в Западной и Юго-Западной Болгарии¹⁸. По его мнению, в XI—XIII вв. основная масса крестьян в этих областях Болгарии была феодально-зависимой, но продолжала еще существовать и прослойка свободного крестьянства. Автор дает свое толкование терминов «стась» и «ипостась». Термином «стась», как считает Г. Г. Литаврин, обозначались «как отдельные крестьянские хозяйства членов соседской общины, так и комплексы таких хозяйств, в основе образования которых было хозяйство большой семьи, теперь распавшееся на несколько самостоятельных хозяйств». Термином же «ипостась» обозначаются отдельные крестьянские хозяйства, к которым не применим термин «стась», поскольку они входят в комплекс хозяйств, обозначаемый этим термином. Анализируя отдельные категории крестьян, автор приходит к выводу, что парики были феодально-зависимыми держателями, тогда как «проскафимены» — это зависимые держатели на условиях *precarium datum*. Дулопарики рассматриваются автором как посаженные на землю рабы, а мистии — как обнищавшие свободные, работающие по найму. Некоторые из владов, как считает Г. Г. Литаврин, были превращены в настоящих крепостных. В источниках отражена и такая социальная группа, как зависимые ремесленники. Церковных клириков автор считает таким же феодально-зависимым населением, как и париков.

ВВ, т. VII, 1953; его же. К вопросу о первоисточниках походов Святослава. КСИС, № 9, 1952; его же. К истории балканских походов Руси при Святославе. КСИС, № 12, 1955.

¹⁷ Г. Г. Литаврин, *Борьба болгарского народа против византийского ига (XI—XII вв.)*. Автореферат диссертации опубликован МГУ. М., 1954.

¹⁸ На основе этой части диссертации Г. Г. Литаврин опубликовал в 1956 г. статью: «Крестьянство Западной и Юго-западной Болгарии в XI—XII вв.». См.: Учен. записки Ин-та славяноведения, № 14.

Господствующей формой ренты в XII в. была отработочная, в XII же веке возрастает роль продуктовой ренты. Что же касается вопроса о распространении денежной ренты, то сведения о ней в источниках столь редки и неясны, что сделать какой-либо определенный вывод невозможно.

Специальный раздел работы посвящен анализу системы управления Болгарией в период византийского господства. Политику Византии в завоеванной стране Г. Г. Литаврин характеризует как очень гибкую и способную к маневрированию, сочетающую в себе жестокий налоговый гнет с раздачей привилегий, особенно в первые 10—15 лет, и заигрыванием с болгарским духовенством и светской знатью с целью заручиться их поддержкой¹⁹.

Подробно рассматривается ход и характер борьбы болгарского народа, продолжавшейся на протяжении всего периода византийского владычества, и особенно восстание 1040—1041 гг., восстание болгар и влахов в 1066 г.²⁰, восстание 1072 г. и движение 1185—1187 гг. Освободительная борьба, по мнению автора, была тесно связана с антифеодальной.

Г. Г. Литаврин отвергает утверждение многих буржуазных историков, что будто бы население Северной Болгарии находилось в лучшем положении, чем население других районов страны, так как там византийский гнет якобы чувствовался слабее. Напротив, положение в северной Болгарии было особенно тяжелым, поскольку к тяжести византийской системы управления, отнюдь не ликвидированной полностью в этой части страны, присовокуплялось разорение от набегов кочевников. Особенности положения Северной Болгарии и явились причиной того, что туда перемещается в конце XI в. центр освободительного движения. Автор считает, что в XI—XII вв. богомилство еще сохраняло свою антифеодальную направленность.

К истории македонских славян относятся статья Е. Э. Липшиц и работы Р. А. Наследовой. Статья Е. Э. Липшиц²¹ посвящена анализу одного документа — копии запродажной 897 г., представляющей интерес для выяснения внутреннего положения в славянских общинах в окрестностях Фессалоники. Вывод автора сводится к тому, что рассматриваемый документ свидетельствует об углублении процесса разложения славянских общин в IX в.

Тема исследования Р. А. Наследовой — Фессалоника и македонские славяне в конце IX—начале X в. по данным Иоанна Камениаты²². В результате изучения сведений, сообщаемых Камениатой о македонских славянах, автор приходит к выводу, что в IX—X вв. славяне в окрестностях Фессалоники, вопреки утверждениям буржуазной историографии, продолжали существовать как самостоятельная этническая группа; их зависимость от империи была чисто формальной и ограничивалась лишь признанием верховной власти империи. Действительные же отношения базировались на договорах союзнического характера. Фактически македонские славяне управлялись собственными архонтами, ведущими себя

¹⁹ Подробно этот вопрос рассматривается в статье Г. Г. Литаврина «Налоговая политика Византии в Болгарии». ВВ, т. X, 1956.

²⁰ Этому вопросу посвящена специальная статья Г. Г. Литаврина «Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г.». ВВ, т. XI, 1956.

²¹ Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. Сборник статей «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952.

²² Р. А. Наследова. Город Фессалоника и македонские славяне (по данным Иоанна Камениаты). Автореферат опубликован Ленинградским ордена Ленина государственным университетом им. А. А. Жданова. Л., 1954; ее же. Македонские славяне конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты. ВВ, т. XI, 1956.

весьма независимо по отношению к империи. Р. А. Наследова останавливается также на характеристике экономических и социальных отношений в Фессалонике и показывает наличие острых классовых противоречий, явившихся одной из причин чрезвычайно быстрого захвата города в 904 г. арабами.

Несколько работ посвящено экономической и социальной истории феодальной Сербии. Социально-экономический строй Сербии в XIII—XIV вв. является темой работ Л. А. Шаферовой²³. Автор собрал большое количество материала, характеризующего общее развитие феодализма в Сербии, главным образом в XIV в. Однако автор не использовал греческие источники, относящиеся к этому периоду и чрезвычайно важные для изучения аграрного строя Сербии XIII—XIV вв. Некоторые утверждения автора вызывают возражения. Так, нельзя, конечно, согласиться с тем, что будто бы разложение родоплеменного строя и начало оформления феодальных отношений в Сербии относится только к XII в. (стр. 2, 8). По меньшей мере неполной является и характеристика истории Сербии середины XIV в. как периода «наиболее полного оформления феодальных отношений» (стр. 8). Что значит сама формулировка: «наиболее полное оформление феодальных отношений»? Подразумевается ли здесь юридическое оформление этих отношений или наибольшая степень их развития? Но разве после Стефана Душана, в период наступившей феодальной раздробленности, феодальные отношения были менее развиты?

Авторы других, посвященных Сербии, исследований избрали более узкие темы. Так, в диссертации С. П. Бобровой рассматриваются некоторые проблемы феодального землевладения в Сербии в XII—первой половине XIV в.²⁴ Автор считает, что к XII в. в Сербии уже существовали крупные хозяйства, в которых применялся труд крестьян, в той или иной степени зависимых от собственника земли, и труд рабов. Рост феодального землевладения С. П. Боброва связывает с развитием иммунитета и с основными моментами политической истории Сербии. По ее мнению, к XII в. относится и появление в Сербии пронии. К сожалению, сколько-нибудь развернутой характеристики причин, обусловивших возникновение этой формы землевладения, автор не дает. Не совсем ясно и мнение автора о соотношении сербской пронии с западноевропейским бенефицием. По существу, автор просто ограничивается заявлением, что «прония обладала известными чертами бенефиция» (стр. 12). В диссертации также подобран некоторый материал о состоянии крестьянского землепользования. В частности, на основе данных о стримонских владениях Хиландарского монастыря автор делает вывод о наличии процесса дифференциации среди крестьян.

По существу, эти же вопросы рассматриваются и в диссертации А. З. Нюркаевой²⁵. Но в отличие от С. П. Бобровой, А. З. Нюркаева значительно больше внимания уделила формам феодальной ренты в изучаемый период. По ее мнению, в XIII—XIV вв. преобладала натуральная или продуктовая рента. В районах с сильно развитым зерновым хозяйством господствующее место занимала отработочная рента. Со второй половины

²³ Л. А. Шаферова. Сербское крестьянство XIII—первой половины XIV в. Автореферат опубликован Ленинградским государственным педагогическим институтом им. А. И. Герцена (Л., 1950); ее же статью под тем же названием см.: «Ученые записки Красноярского педагогического института», т. IX, вып. 1, 1957.

²⁴ С. П. Боброва. Феодальное землевладение в Сербии в XII—первой половине XIV в. Автореферат диссертации опубликован Воронежским государственным университетом (Воронеж, 1956).

²⁵ А. З. Нюркаева. Положение крестьян в Сербии XII—XIV вв. Автореферат диссертации опубликован Московским областным педагогическим институтом (М., 1955).

XIV в. наблюдается возрастание нормы отработочной и натуральной ренты, а также происходит увеличение видов денежной ренты. Рассматривая положение отдельных категорий крестьян, автор дает свое решение спорного вопроса о положении сокальников, считая, что оно было несколько лучшим, чем у меропхов. Положение же монастырских крестьян, по мнению Нюркаевой, было более тяжелым, чем властельских.

Исследованию аграрных отношений в Сербии в XII—XIV вв. посвящена и работа А. Х. Соколовского²⁶. Но в ней главный упор сделан на материалы, относящиеся к Южной Сербии. В отличие от С. П. Бобровой и А. Э. Нюркаевой, А. Х. Соколовский отождествляет пронию с западноевропейским бенефицием. Автор специально останавливается на преимущественном росте отработочной ренты в XIII—XIV вв., что связано, по его мнению, с ростом рынка. Но он не показывает, определялся ли рост отработочной ренты воздействием внутреннего или внешнего рынка. В статье не отмечен также такой важный факт в социально-экономическом развитии Сербии XIV в., как закрепощение крестьян законником Стефана Душана, что также связано с ростом отработочной ренты.

Недостатком всех перечисленных работ по истории средневековой Сербии является то, что их авторы не использовали греческие источники соответствующего времени, содержащие важные данные для изучения аграрного строя Сербии XII—XIV вв.

В 1950—1957 гг. появилось несколько работ советских авторов, затрагивающих некоторые проблемы развития далматинских городов в интересующий нас период.

В статье Н. П. Соколова рассматривается вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником²⁷. Как известно, в исторической литературе нет единого мнения по вопросу о том, когда произошло это событие. Одни историки, основываясь главным образом на венецианских источниках (таких, например, как «История дождей венецианских» Диакона Джованни, «Хроника» Дандоло и др.), считают, что Дубровник должен был признать супрематию Венеции уже в начале XI в.; другие же, опираясь, в частности, на летопись Дубровника по списку Стулича, высказываются в пользу значительно более поздней даты, а именно — XIII в. Нет единства и по вопросу о причинах этого события. Что касается даты, то Н. П. Соколов в основном солидаризируется со сторонниками дубровниковской традиции, однако он вносит некоторые коррективы. Он считает, что установление венецианской супрематии нужно относить не к 1205 г., как считает ряд исследователей²⁸, а к более позднему времени, что это произошло вскоре после образования Латинской империи и превращения Венеции в средиземноморскую державу. Что касается выяснения причин установления венецианской супрематии, то автор полагает, что правильное решение этого вопроса может быть достигнуто только в результате изучения внутренней истории Дубровника, состояния классовой борьбы и противоречий внутри господствующего класса. По мнению Н. П. Соколова, большую роль в этом сыграло отсутствие единства в среде дубровниковской патрициата, наличие венецианской партии, в которую будто бы входила часть патрициата, заинтересованная в сбите сельскохозяйствен-

²⁶ А. Х. Соколовский. Феодальная вотчина в Южной Сербии XII—XIV вв. КСИС, № 17, 1955.

²⁷ Н. П. Соколов. Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником. «Ученые записки Горьковского педагогического института им. Горького. Научные труды исторического факультета», вып. 13, Горький, 1950.

²⁸ См., например: И. Божий. Экономски и друштвени развитак Дубровника у XIV, XV вв. «Историски гласник», I, 1949, стр. 21.

ной продукции в Венецию (как и купцы, занимавшаяся этими торговыми операциями) и которая в условиях обострившейся классово-борьбы искала выхода из создавшегося положения в подчинении Венеции. Однако в доказательство наличия такой партии в статье не приводятся достаточных данных. Нельзя считать убедительным доказательством и тот факт (на который автор обращает особое внимание), что главой исполнительной власти в Дубровнике часто являлись представители венецианских аристократических родов. Но это случалось, как свидетельствует сам автор, в результате того, что «та рознь, которая существовала между верхами и низами городского населения, с одной стороны, и в рядах самих верхов, с другой, делавшая часто невозможным избрание на эти посты местного человека, облегчала венецианцам проведение такой политики» (стр. 145), т. е. избрание приором венецианца было результатом не наличия венецианской партии, а несогласия в среде верхов.

Взаимоотношения далматинских славян с Венецией, главным образом в X в., рассматриваются в другой статье Н. П. Соколова²⁹. Автор считает, что поход Пьетро Орсеоло, который он датирует 1000 г., явился началом венецианской экспансии в Далмации, а не завершением ее, как полагают многие буржуазные историки. По мнению автора, в результате этого похода Венеция добилась только «принципиального признания ее суверенитета» и «усилила в подчиненных ей городах свое экономическое давление» (стр. 107). Политические результаты завоевания не были устойчивыми. Автор отрицает факт подчинения Дубровника в результате похода Пьетро Орсеоло. Говоря о наличии венецианской партии в далматинских городах, автор утверждает, что в ней не было «деловых людей, купцов и ремесленников, надо полагать, что последние уже тогда понимали невыгодность для них венецианского господства и оставались глухими к венецианским призывам» (стр. 102). Единственную опору Венеции, по мнению автора, составляла романская часть духовенства Сплитской митрополии. Таким образом характеристика венецианской партии, данная в этой статье, — иная, чем в предыдущей.

Темой статьи А. П. Каждана является рассмотрение особенностей наемного труда в эпоху средневековья на конкретном материале, относящемся к Дубровнику XIV в.³⁰. Основным источником для автора послужили так называемые «*Libri reformationum*», собрание документов, относящихся к различным сторонам жизни города в период 1301—1367 гг. В статье даются краткие сведения о социальной и профессиональной дифференциации населения города. А. П. Каждан считает несостоятельной распространенную точку зрения, согласно которой цехи в Дубровнике сложились уже к XIV в. По его мнению, основной формой объединения ремесленников были братства, являющиеся не профессиональными, а территориальными объединениями, регламентацией же ремесла и торговли занимался городской совет. Значительное развитие товарного производства в средневековом Дубровнике приводило, подчеркивается в статье, к применению наемного труда в сравнительно больших масштабах. С особым вниманием рассматривает А. П. Каждан отдельные категории наемных работников, в частности подмастерьев и слуг (*famuli*), в положении которых значительную роль играли отношения личной зависимости, и батраков (*laboratores*) — крестьян, имевших надел и нанимавшихся за поденную плату на работу к патрициям.

²⁹ Н. П. Соколов. Возникновение адриатического вопроса. «Ученые записки Горьк. гос. университета», вып. 43, 1957.

³⁰ А. П. Каждан. Наемный труд в Дубровнике в XIV в. КСИС, № 17, 1955.

Кандидатская диссертация А. Е. Москаленко посвящена изучению социально-экономического и политического строя Сплита в XIII—XIV вв.³¹ Автор считает, что Сплит превращается в центр ремесла и торговли в IX—X вв.; XIII—XIV вв. являются, по его мнению, периодом расцвета. Цеховая организация ремесла не достигла в Сплите высокого уровня развития, что объясняется, как полагает Москаленко, тем, что Сплит был главным образом центром транзитной торговли. Автор считает, что основными производителями в Сплите и его округе были крестьяне — арендаторы чужой земли. Арендная плата рассматривается как вид феодальной ренты. Свободного крестьянства, по мнению автора, в округе Сплита в изучаемое время не было, но не оформилось еще и крепостничество. Приводятся также данные о городском патрициате, бюргерстве и плебействе, об использовании наемного труда, о состоянии классовой борьбы, особенно обострившейся в Далматинских городах к середине XIV в., что связано с усилившимся стремлением бюргерства разделить с патрициатом власть в городе. Однако остается неясным, каковы по мнению автора причины, способствовавшие превращению Сплита в конце XIII в. в самоуправляющуюся городскую коммуну.

При описании классовой борьбы в далматинских городах А. Е. Москаленко пользуется известиями сплитского Анонима, мемуарами Паули де Пауло и другими источниками и приходит к выводу, что предательская политика городской верхушки, боящейся народных масс, явилась важнейшей причиной подчинения далматинских городов Венеции.

Чрезвычайно интересный вопрос об общественном строе Хорватии X—XI вв. и о причинах хорватско-венгерской унии 1102 г., запутанный хорватскими и венгерскими буржуазными историками, послужил темой диссертации Е. А. Ефремова³².

Вслед за историографическим введением автор дает краткий обзор истории хорватского народа с момента появления хорватов на Балканах и до хорватско-венгерской унии, а также общую характеристику политического строя хорватов в X—XI вв. Е. А. Ефремов показывает, что, вопреки утверждениям буржуазных историков, хорваты к этому времени давно уже пережили период родоплеменного быта. Детальное исследование развития новых, феодальных отношений в Хорватии содержится во 2 главе диссертации, называемой «Развитие феодальной собственности на землю и феодально-крепостнических отношений».

Причину подчинения Хорватии Венгрии автор усматривает в наступлении периода феодальной раздробленности, выразившейся в чрезвычайном усилении жупанов — правителей отдельных округов. Однако аргументация автора не всегда достаточно убедительна. Так, например, ссылаясь на наличие в XIII—XIV вв. цеховой организации в городах Хорватии, а также на политическое положение этих городов, являвшихся как бы независимыми республиками, автор считает эти факты достаточными для доказательства несостоятельности утверждений буржуазных историков об отсутствии феодализма в Хорватии. Но эти факты свидетельствуют лишь

³¹ Опубликованы: автореферат «Социально-экономический и политический строй в Сплите в XIII—XIV вв.» (КСИС, № 19, 1956); статья «Социально-экономический строй города Сплита в XIV в.» (ВВ, т. XIII, 1957) и сообщение «Из истории классовой борьбы в далматинских городах во второй половине XIV в.—начале XV в.» («Труды Воронежского государственного университета», т. XVII, вып. 3, Воронеж, 1955).

³² Е. А. Ефремов. Развитие феодальных отношений в Хорватии в X—XI вв. Автореферат диссертации опубликован Ленинградским государственным педагогическим институтом им. Герцена, Л., 1954.

о наличии феодализма в Хорватии в XIII—XIV вв., тогда как нужно доказать его существование уже в X—XI вв., что, собственно, и отрицается обычно в буржуазной историографии.

Борьбе южнославянских народов с турецкой агрессией в XIV—XV вв. специально посвящена только работа И. С. Достяна³³. Автор рассматривает внутреннюю обстановку в южнославянских землях накануне турецкого вторжения и считает, что основной причиной установления турецкого владычества и потери южнославянскими народами государственной независимости явилась феодальная раздробленность и отсутствие политического единства. В противовес утверждениям буржуазной историографии, И. С. Достян показывает, каким страшным бедствием для народных масс было установление турецкого владычества. К недостаткам статьи следует отнести то, что многие работы современных болгарских и югославских ученых, посвященные этой же проблеме, не учтены автором. Поэтому автору и не удалось достаточно конкретно показать героическую борьбу народных масс южнославянских государств против турецких захватчиков.

Как мы видели, в период, которому посвящен наш обзор (1950—1957 гг.), советские историки немало сделали в области исследования и популяризации ряда очень важных проблем средневековой истории южнославянских народов.

К. В. Хвостова

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Проблемы византиноведения занимали грузинских ученых и в прошлом столетии и в начале XX в. Эти вопросы разрабатывали А. С. Цагарели, А. А. Хаханашвили, а позднее — Н. Я. Марр и К. С. Кекелидзе, но специальное исследование вопросов, касающихся Византии, их изучение в связи с историей Грузии и с грузинскими памятниками начинается только после Великой Октябрьской социалистической революции. Сразу же после основания Тбилисского университета его правление постановило учредить кафедру византиноведения. С этой целью был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности окончивший в 1917 г. Петроградский университет С. Г. Каухчишвили. Грузинские византилисты за 40 лет работы создали большое число трудов, рассмотрев в них различные проблемы византийской истории и истории взаимоотношений Закавказья и Византии.

Важное место в деятельности грузинских византинистов занимала публикация греческих источников и грузинских памятников, связанных с византийской историей и культурой.

Наибольшее значение для историков Византии среди этих изданий имеет публикация Г. Ф. Церетели, содержащая ряд чрезвычайно важных позднеримских и византийских папирусов, проливающих новый свет на социально-экономические отношения в ранневизантийском Египте¹.

Грузинские ученые опубликовали ряд греческих надписей. С. Г. Каухчишвили издал несколько надписей, найденных во время археологических

³³ И. С. Достян. Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв. ВВ, т. VII, 1953, стр. 32—49; ее же. Южнославянские народы под игом турок в XV—XVIII вв. «Преподавание истории в школе», 1951, № 5.

¹ Papyri russischer und georgischer Sammlungen, hrg. von G. Zereteli, Bd. III. Tiflis, 1930, S. 333.